И император, и Хайтан одновременно в изумлении посмотрели на Фань Сяня. Император просто задал вопрос о чём попало, но, к удивлению, в ответе Фань Сяня говорилось о единстве природы и человека, что потрясло этих двух самых высокопоставленных персон государства Ци. Следовало помнить, что среди четырёх великих мастеров этого мира только школа грандмастера Ку Хэ учила о единстве человека и природы как о естественном пути, но этот секрет никогда не передавался посторонним, и то, что сейчас Фань Сянь небрежно упомянул его в разговоре, действительно напугало присутствующих.

Спокойные, ясные глаза Хайтан уставились в лицо Фань Сяню, как будто она хотела высмотреть в нём, случайно ли это получилось у всемирно известного поэта, или тот сквозь блеск императорского дворца действительно прозрел истину.

Но Фань Сянь не сделал это сознательно: «единство природы и человека» было темой, о которой он в своих давних воспоминаниях до одури рассуждал на уроках философии. Сейчас он упомянул её случайно и не думал, что других это настолько приведёт в смятение. Видя задумчивые лица императора и Хайтан, он невольно засомневался и спросил:

— Я что-то сказал не так?

Император рассмеялся и ответил:

— Всё верно, всё верно, что тут может быть не так? Фань Сянь, ты действительно гений нашей эпохи — бросил что-то ненароком и случайно высказал непреложную истину. Удивительно, удивительно. — Император слегка улыбнулся и взглянул на Хайтан, спросив: — Тётушка, что вы думаете о словах господина Фаня?

Хайтан ответила с поклоном:

— Молодой господин Фань видит истинную суть, можно сказать, он человек незаурядных способностей.

Они втроем ещё немного поболтали ни о чём и оставили этот вопрос. Император вдруг нахмурился и сказал:

— В этой уединённой беседке я провёл довольно много времени в прошлом месяце. Тогда над ней были деревья, луна над облаками, я лежал рядом с текущей водой, и всё оведал лёгкий ветерок. Я чувствовал себя очень счастливым и мог забыть о беспокойствах этого суетного мира, поэтому в последние дни я часто задерживаюсь здесь, но больше не могу найти те ощущения, не знаю почему.

На лице Хайтан внезапно появилось серьёзное выражение. Она сказала:

— Ваше величество всё же владыка государства Ци, на вас сосредоточены упования народа,

потому и беспокойства этого суетного мира всегда с вами. Даже если вы очень захотите забыть о них, это вряд ли получится, тем более что с вами связана судьба Поднебесной, ваши мысли управляют благополучием всех людей. Как тут стремиться к сиюминутным удовольствиям? Как забыть о мирских проблемах? Можно ли искать удовольствия в данный момент и забыть о проблемах мира? Ваше величество должно каждый миг помнить о том, что множество людей в мире живут в нужде, и принимать беды народа как свои собственные. Этому должна придерживаться вся императорская династия.

Император с трепетом воспринял это наставление, встал, поклонился и ответил:

— Благодарю за поучение, тётушка.

Фань Сянь равнодушно наблюдал со стороны, замечая, что император действительно принимал наставления с почтительным видом, и немного удивляясь. Оказывается, эта столь сильно досаждавшая ему Хайтан имела такой высокий статус в государстве Ци. Однако её точка зрения его невольно возмутила, и, хотя его лицо ничего такого не отразило, в глазах мелькнуло веселье.

Но разве такое мелкое изменение могло укрыться от взгляда мастера девятого уровня?

— Господин Фань с чем-то не согласен? — Удивительно, но в вопросе Хайтан не было ни враждебности, ни язвительности — просто обычный вопрос. В Северной Ци много рассуждали о том, как можно принести пользу народу, поэтому всегда благосклонно относились к различным мнениям, что в лучшую сторону отличалось от обычаев в Цин.

Фань Сянь чуть нахмурился, но тотчас же ответил с улыбкой:

— Горевать над бедами Поднебесной раньше всех и радоваться её счастью позже всех* — естественно, такой идеи должна придерживаться император и придворные. Если, как сказала барышня Хайтан, день и ночь помнить о страданиях народа, то, хотя ваше величество может неустанно тревожиться об этом, быть усердным в делах управления и думать о пользе для людей, но в конце концов это станет слишком утомительно. Истопив свои моральные силы, вы не сможете хорошо работать, как бы вы этого ни желали. Поэтому я считаю, что если вы можете забыть о своих заботах, вы должны забыть их полностью, ведь, как говорится, мир всегда беспокоится, а император всегда беспокоиться не может.

Объяснение было совершенно неубедительным, но искусность его заключалась в первой фразе. Хайтан, услышав её, ещё шире раскрыла глаза и дальше уже к его речи не прислушивалась, а медленно распробовала её на вкус.

А император в восторге хлопнул по столу:

— Прекрасные слова — «горевать над бедами Поднебесной раньше всех и радоваться её счастью позже всех». Слова сановника Фаня действительно полностью описывают преданность

чиновника и ответную поддержку правителя. Прекрасно! Прекрасно!

Окружающие евнухи и служанки не совсем поняли, о чём говорил император, но, увидев, что посланник с юга смог так развеселить его, они, не сдерживаясь, один за другим заулыбались и стали смотреть на Фань Сяня с благодарностью.

Фань Сянь улыбнулся и промолчал, мысленно показав большой палец тому бедняге из прошлого мира, который придумал эту фразу.

Молодой император уже начал называть Фань Сяня «сановник Фань», поэтому было очевидно, что он Фань Сянем очень восхищается. Он изначально задержал этого иноземного посланника во дворце, потому что у него был другой план. Что же до любования пейзажем, оно понадобилось лишь потому, что вдовствующая императрица отрядила Хайтан сопровождать его и императору было неудобно разговаривать с Фань Сянем. Так что он нарочно выбирал темы разговора и не ожидал, что Фань Сянь ответит настолько изящно.

Император посмотрел на Фань Сяня с улыбкой и сказал:

— Молодой господин Фань хорошо разбирается и в литературе, и в боевых искусствах. Такой талант в мире действительно редкость.

Фань Сянь стал отнекиваться, а Хайтан внезапно спросила:

— Тогда, по мнению господина Фаня, как следует придерживаться пути единства природы и человека?

Фань Сянь опешил. Менее всего он был способен к абстрактным рассуждениям, а предыдущий пассаж уже вогнал его в тоску, зачем же ещё продолжать? Император слегка улыбнулся, жестом прервал расспросы Хайтан и вместо этого спросил сам:

— Так как вы считаете, господин Фань, почему я не могу вернуть то спокойствие мыслей, которое ощущал несколько дней назад?

Фань Сянь наморщил лоб, оглядел беседку и тихо сказал, указывая на палочку благовоний:

— Ваше величество, если убрать эти благовония и отослать окружающих вас людей, возможно, вы хоть отчасти сможете вернуть ощущения, что испытали той ночью.

Император слегка удивился и приказал евнухам и служанкам удалиться туда, где их не было бы видно, и убрал успокаивающую ароматическую палочку. Через некоторое время снова

подул свежий ветерок, развеяв запах и принеся в горный дворец покой и прохладу.

Император медленно закрыл глаза. Спустя долгое время его лицо озарилось счастьем, и он, открыв глаза и улыбнувшись, сказал:

— Действительно, немного чувствуется.

Фань Сянь с улыбкой объяснил:

— Благовония, используемые в императорском дворце, естественно, высшего качества, но по сравнению с ароматом в этом горном лесу они неизбежно кажутся вульгарными.

Хайтан в стороне покивала, словно весьма одобряла слова Фань Сяня.

Снова сидя в беседке и попивая чай, Фань Сянь всё глубже погружался в сомнения. На второй же день после приезда в столицу молодой император приказал ему остаться во дворце, что совершенно не соответствовало правилам. Как ни посмотри, он всё же иностранный подданный, и, хотя внешне между двумя странами хорошие отношения, на самом деле они тайно вредят друг другу.

Император вдруг тихо вздохнул:

— Молодой господин Фань, ты знаешь, почему я попросил тебя остаться?

Фань Сянь чуть вздрогнул, не зная, заметил ли собеседник его сомнения, или это просто совпадение, и почтительно ответил:

— Жду ваших указаний, ваше величество.

Император улыбнулся и сказал:

— Формально — потому, что мне нравится «Сборник кабинета полупраздности». — Он улыбнулся Фань Сяню. — Конечно, мне на самом деле очень нравятся твои стихи, но вот книжная лавка «Даньбо» продаёт их очень дорого. Поэтому год назад я взял немного серебра из казны и издал немало сборников стихов сановника Фаня в границах Великой Ци, а затем разослал их по всем школам. Я так высоко их оценил и не знаю, как господин Фань отблагодарит меня.

Этот человек всё же владыка страны, и он тратил казённые средства, чтобы напечатать твои книги и прославить как молодого поэта — разве тебя это немедленно не растрогает до крайности?

Кто мог ожидать, что на лице Фань Сяня появится огорчение? Он повозился, но потом всё же встал и поклонился императору, мысленно ругая его по матери. В этом мире не было представления о нарушении авторских прав. Из-за этой императорской семейки сбыт на севере упал на тридцать процентов, приказчики из семьи Е каждый день рвали на себе волосы, а он ещё и хочет, чтобы владелец лавки благодарил его.

Хайтан вдруг тихо сказала со стороны:

— Ваше величество, книжная лавка «Даньбо» — семейное предприятие господина Фаня. За ваш поступок он не только не захочет отблагодарить вас, но и может в душе затаить гнев.

Фань Сянь быстро объяснил с улыбкой:

— Вовсе не собирался, вовсе не собирался.

Император чуть удивлённо посмотрел на Фань Сяня и спросил:

— Сановник Фань — выдающийся поэт, почему он ещё и занимается торговлей?

Фань Сянь ответил с ухмылкой:

— Всегда неплохо иметь немного мелочи на расходы.

Хайтан улыбнулась:

— Самая большая книжная лавка в мире для молодого господина Фаня может заработать лишь немного мелочи.

Император не знал, что произошло между тётушкой Хайтан и Фань Сянем возле посёлка на переправе У, так что, заметив между ними какую-то смутную враждебность, он не мог сдержать смех:

— Тётушка, вы и сановник Фань, можно сказать, вы сейчас самые прославленные молодые люди нашего поколения, один с юга, другой с севера. Почему на сегодняшней встрече вы пререкаетесь, словно маленькие дети?

Хайтан немного растерялась и поняла, что её слова сегодня выглядят намеренно резкими, что сильно отличалось от её обычных спокойных манер. Фань Сянь с улыбкой объяснил:

— Возможно, барышня Хайтан всё ещё думает, что торговля — это низменное занятие. — В сегодняшнем мире, хотя и началось это с семьи Е, важность торговли уже стала полностью

очевидна, и правители всех стран не упускали этот момент из виду, но внешне большинство людей по-прежнему считали торговлю профессией довольно-таки вульгарной.

Неожиданно Хайтан слегка покачала головой и сказала:

— Рабочие, крестьяне, торговцы и служащие — все люди Поднебесной творят дела Поднебесной, как тут делить на высокое и низкое?

Фан Сяню очень понравились её слова.

Видимо, из-за того, что вдовствующая императрица приказала Хайтан находиться рядом, молодой император никак не мог высказать Фань Сяню то, что было у него на сердце, и на его лице постепенно проявлялись скука и усталость.

Фань Сянь и Хайтан переглянулись. Он подумал, что девушка может проявить такт и отойти в сторону, оставив его и молодого императора в каком-то спокойном месте, но кто мог подумать, что Хайтан не изменит своего спокойного выражения лица, в отличие от императора.

Император вдруг саркастически рассмеялся, отошёл к краю беседки, посмотрел на бурлящую, стремительную горную реку внизу и вздохнул:

— Фань Сянь, пока ты ехал сюда на север, что ты подумал о моей Великой Ци?

Фань Сянь ответил тихо:

— Северная Ци обильна чудесными пейзажами, с красивыми горами и чистой водой, обширна и одарена природными богатствами, а её народ наслаждается мирным трудом и спокойствием, что действительно приводит меня в восхищение.

Император внезапно обернулся и посмотрел на Фань Сяня чрезвычайно спокойным взглядом, совершенно не похожим на взгляд семнадцатилетнего:

— Тогда как тебе моя страна по сравнению с твоей Южной Цин?

* Из эссе «Записки о Юэянской башне» Фань Чжунъяня (989–1052 гг.), государственного деятеля и писателя времён династии Северная Сун. Фань Чжунъянь — однофамилец Фань Сяня, на что, собственно, и намекает название главы.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3249759>